

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН



Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 3

осень

2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 30

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.И. Колесников.* Миниатюры и тексты в альбоме Е 28 из собрания ИВР РАН **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева.* Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: "moving around Babylon" **28**

- Ю.А. Иоаннесян.* Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана **44**

- В.М. Рыбаков.* Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1. Лечение, питание **54**

- С.Л. Бурмистров.* Гимны Шанкары: проблема авторства, философские аспекты и религиозные практики **69**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Якерсон.* Посвящения в еврейских рукописях как источник информации и дезинформации **85**

- М.А. Козинцев, С.А. Французов.* Двухязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии **97**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин.* Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН. Часть 1. Материалы по тибетско-монгольской иконографии **105**

- Тамура Масато, Судзуки Кэндзи.* Японские книги из сахалинских библиотек в ИВР РАН. Предисловие, перевод с японского языка *К.Г. Маранджян* **121**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований» (Санкт-Петербург, 20 февраля 2017 г.) **131**

- И.В. Богданов.* Общество и культура Древнего Востока: II Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2017 г.) **134**

- Т.А. Пан.* 2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.) **139**

РЕЦЕНЗИИ

- The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906). Archival Documents from Mongolia / Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. — Leiden; Boston: Brill, 2013 (Brill's Inner Asia Archive. 1). — XXVIII, 598 pp. (*Т.А. Пан*) **142**

- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag. — 2016 (VOHD; XVIII,2). — 473 S. (*О.М. Чунакова*) **145**

IN MEMORIAM

- Анна Аркадьевна Искоз-Долинина (*С.Ю. Гинцбург*) **150**

На четвертой сторонке обложки:

Икона Падма-Махешвары (форма Хаягривы). АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192

Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1: Лечение, питание

В.М. Рыбаков

Институт восточных рукописей РАН

В статье проанализирован перечень прогнозируемых оплошностей, чреватых непреднамеренным нанесением вреда императору и членам его семьи, вместе с перечнем карательных мер, призванных уменьшить вероятность таких оплошностей, а также то, какие бытовые посягательства на имущество августейших особ законодатели Китая времен династии Тан полагали вероятными и как предлагали с ними бороться.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, безопасность первых лиц государства, династия Тан.

Статья поступила в редакцию 26.04.2017.

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ouyangtsev@mail.ru).

© Рыбаков В.М., 2017

Обеспечение безопасности и комфорта первых лиц государства во всех странах и во все времена является одной из основных задач правовой системы. Понятно, что для надлежащего выполнения своих обязанностей государственное руководство должно быть по возможности избавлено и от опасений за свою жизнь и здоровье, и от бытовых забот. Однако представления о безопасности и комфорте в высокой степени определяются как технологическим уровнем эпохи, так и культурными традициями страны. Весьма интересным примером проявления общей тенденции в конкретных условиях является нормативно-правовая база заботы об императоре и ближайших к нему членах его семьи, разработанная в традиционном Китае. За рамками данной статьи остаются уже довольно хорошо известные правовые нормы, предназначенные для блокирования преступлений реально антигосударственного характера, состоящих в преднамеренных попытках нанести царствующим особам вред.

Лечение

Приступая к рассмотрению правовых норм, регулировавших обслуживание императорских особ и нарушения в этой сфере деятельности, следует прежде всего припомнить Шестое из десятки наиболее тяжких и наиболее сурово наказуемых престу-

плений — Десяти зол (*ши э* 十惡), а именно — Великую непочтительность (*да бу цзин* 大不敬). Если преступное действие подпадало под рубрику какого-либо из зол, наказание не могло быть ни отменено амнистиями, ни уменьшено привилегиями, ни заменено щадящими наказаниями, предназначенными специально для облегчения участи чиновничества. Большинство нарушений и ошибок, допущенных при исполнении обязанностей по удовлетворению земных, приземленных, материальных нужд императорской семьи, относились именно к Великой непочтительности.

Шестое называется Великой непочтительностью. Имеется в виду... ошибочное составление державного лекарства (*юйяо* 御藥) несоответственно правильному способу (*у бу жу бэньфан* 誤不如本方) или ошибка в сопроводительном предписании (*фэнтэ* 封題誤), а также ошибочное нарушение кулинарных запретов (*у фань шицзинь* 誤犯食禁) при изготовлении державной пищи (*цзао юйшань* 造御膳), ошибочное изготовление непрочными (*у бу лаогу* 誤不牢固) державных судов счастья (*юйсин чжоучуань* 御幸舟船) (Тан люй. Ст. 6; Уголовные установления Тан 1999: 89)¹.

Следует обратить внимание вот на что. Относительно всех правонарушений данного перечня подразумевалось, что они были совершены по ошибке, по небрежности.

В большинстве обыденных ситуаций, если некий вред был нанесен в силу ошибочного действия, закон предписывал определять наказание путем уменьшения на определенное число степеней того наказания, что предписывалось законом за данное действие (нанесение данного вреда), совершенное преднамеренно. Например, тот, кто с высокого места преднамеренно разглядывал территорию внутри стен императорского Дворцового комплекса, должен был быть наказан 1 годом каторги; а вот тому, кто ровно с той же высоты глянул туда же по ошибке (*у* 誤), наказание следовало определять посредством уменьшения на 2 степени наказания, полагавшегося за преднамеренное разглядывание, что давало 90 ударов тяжелыми палками (Тан люй. Ст. 66; Уголовные установления Тан 1999: 310–311)².

В данном же контексте о подобной механике и речи нет.

Преднамеренное преступление, связанное с обслуживанием императора, проходило как покушение на императорскую особу со всеми вытекающими последствиями; оно относилось уже к Первому из зол, каралось с применением общесемейной ответ-

¹ Относительно применяемого по самым разным поводам термина *юй* 御, который я передаю как «державный» («державное лекарство», «державная пища», «державные суда»), в Кодексе предусмотрено разъяснение: «Всякий раз, когда указывается на Того, кто в паланкине (*чэньюй* 乘輿), на Высочайший выезд (*цзюйцзя* 車駕) и на державное (*юй* 御), [эти указания] всегда равным образом [относятся помимо самого императора к] престарелой вдовствующей императрице, к вдовствующей императрице и к императрице... Например... статья: тот, кто самовольно вошел и достиг места, где пребывает державная [особа] (*юй цзай со* 御在所), наказывается обезглавливанием. Тот, кто достиг места, где пребывает [какая-либо из] трех императриц, также наказывается обезглавливанием» (Тан люй. Ст. 51; Уголовные установления Тан 1999: 269–270). Поэтому я избегаю переводить термин *юй* как просто «императорский», «императорские» и пр.

² Шкала основных наказаний по танскому праву включала: пять разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пять разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пять разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. 560 м); две разновидности наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям.

ственности и уж во всяком случае смертной казнью³. Но для ошибочных действий, способных поставить особу владыки в опасное положение, закон тоже предусматривал наказания специальным образом, в каждом отдельном случае называя их определенно. Кроме того, даже если такое преступление было совершено по ошибке или небрежности, это все равно была Великая непочтительность. И если наказание по основной шкале не достигало смертной казни, оно тем не менее являлось наказанием преступления, определяемого как одно из Десяти зол. Следовательно, тут не действовали ни амнистии, ни привилегии, ни откуп или иные трансформации основного наказания, предназначенные для выведения кадровых чиновников из-под угрозы отправиться на реальную каторгу или в реальную ссылку.

Нам ли не знать, насколько и вообще-то беззащитный перед ударами судьбы человек становится беззащитнее, когда нуждается в помощи. Например, когда он болен. Когда попадает в полную зависимость от компетентности и добросовестности медиков. Однако вряд ли наш современник в состоянии представить, какое напряжение возникало при дворе, когда нечто подобное происходило с Сыном Неба. С тем, кто воспринимает веления свыше и претворяет их в мире людей в конкретных распоряжениях. От его персоны зависели процветание Поднебесной, изобильные урожаи и социальный покой, благоприятная погода и отсутствие стихийных бедствий — и в то же время его собственное-то здоровье вдруг оказывалось в зависимости от его обычных подданных. И они, пигмеи по сравнению с этой титанической фигурой, обязаны были избавить его от хвори и вернуть на подобающее ему место в трехмерном континууме Небо–Земля–Человек.

Это определенно был чудовищный форс-мажор. Мир буквально выворачивался наизнанку.

А ведь дело заключалось не просто в нарушении вселенской субординации, не в извращении космического распределения полномочий. Вряд ли можно было найти более удобный, чем болезнь владыки, момент для реализации предельно злокозненных замыслов, когда под предлогом, самым благовидным из всех возможных, внутри брэнного императорского тела, подверженного всем превратностям органических процессов, можно было ввести что-либо необычное, чужеродное, сугубо химическое. Не выросший на ветке естественным образом румяный невинный плод, не кусочек только что бодро бегавшей или плававшей птицы или рыбы, но нечто непостижимое для непосвященных, искусственно изготовленное из странных ингредиентов, не имеющих ни малейшего отношения к вкусной и здоровой пище.

Даже отсутствие злого умысла, даже самая честная попытка облегчить участь больного, если она подразумевала проглатывание необычных веществ и снадобий, являлись экстраординарным событием, чреватым многими неопределенностями.

Закон, как умел, старался свести эти неопределенности к минимуму — попутно устраивая для дворцового персонала изрядный переполох.

³ «Повелитель людей силой Дэ своей подобен Небу и Земле, а сиянием своим сходен с Солнцем и Лунной. Вверху он благоговейно [восприимлет] Драгоценный Мандат [Неба], внизу он присматривает за Землей и руководит ею. Если же объявляются вероломные служащие и злобные подданные, умыслившие повредить Алтарям Земли и Зерна и начавшие строить безрассудные планы, то, даже если их дело еще не осуществилось, их обязательно следует истребить, как если бы они уже на самом деле восстали против... Когда указывается на „умысел“, [это означает] 2 человек и более, а когда дело понятно и ясно, то, хотя бы [это был] 1 человек, он подпадает под [действие] закона, [предусмотренного] для 2 человек» (Тан люй. Ст. 248; Уголовные установления Тан 2005: 12).

Вообще говоря, оказанием медицинской помощи августейшим особам ведала высшая служба врачевания (*шаньяоцзюй* 尚藥局), являвшаяся подразделением Надзора Дворцового обеспечения (*дяньчжуншэн* 殿中省)⁴. Первыми лицами службы были двое подносителей в державное употребление (*фэньюй* 奉御). В штат службы входили профессиональные медики: лекари-служители при державной особе (*шиюйи* 侍御醫), лекари (*сыи* 司醫) и подсобные лекари (*ицзо* 醫佐). Все эти служащие были ранговыми чиновниками.

Во вспомогательный штат службы входили помимо обычных писцов, кладовщиков и прочих те служащие, что выполняли конкретные лечебные или фармацевтические процедуры и операции, например, умельцы массажа (*аньмоши* 按摩師), умельцы по заклинаниям, отводящим порчу (*чжоуцзиньши* 咒禁師), фармацевтики-фармацевты (*чжюяо* 主藥) и их помощники-служки (*яотун* 藥童), мастера-составители губных мазей (*хэкоучжицзян* 合口脂匠) и т.д.

В «Синь Тан шу» и «Тан лю дянь» с небольшими вариациями описываются процедуры надзора со стороны высших должностных лиц за изготовлением и поднесением императору предназначенных для него лекарств. Легкие расхождения в описаниях не влияют на содержание принципиально. Суть процедуры была в том, что, когда надлежало изготовить лекарство для императора, от Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省) и Надзора Срединных документов (*чжуншюшэн* 中書省) выделяли по одному старшему чиновнику (вариант: от всех подразделений этих надзоров по одному старшему чиновнику), от находящихся в данный момент на дежурстве гвардий также отряжался один из главнокомандующих (*да цзянцзюнь* 大將軍) и один из командующих (*цзянцзюнь* 將軍) (вариант: только один из главнокомандующих), к ним присоединялись управитель (*цзянь* 監) Надзора Дворцового обеспечения и подноситель в державное употребление из самой службы врачевания. Эта компания наблюдала за процессом изготовления лекарства. Когда лекарство было готово, то задействованные персоны, начиная с подсобных лекарей службы врачевания и далее по восходящей, это лекарство пробовали. Затем составлялся и опечатывался сопровождающий изготовленное снадобье документ, где, по всей видимости, описывался способ изготовления или использования (в «Синь Тан шу» коротко сказано: *шу бэньфан* 疏本方)⁵, фиксировались год, месяц и день изготовления, и все, присматривавшие за процессом, ставили свои подписи. Затем подавался доклад императору; в нем, надо полагать, содержались все эти данные. В день приема лекарства его также пробовали: сначала подноситель в державное употребление, затем управитель Надзора Дворцового обеспечения, затем наследник престола. После этого лекарство подносилось Сыну Неба (Синь Тан шу 1975: 1218–1219; Ниида Нобору 1964: 722; Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шаньяоцзюй).

Вкратце та же процедура описана и в соответствующей статье Кодекса, зато в ней существенно дополнена информация о том, какие сведения должен был содержать сопроводительный документ.

По завершении изготовления лекарства [на его упаковке] надписывается сопроводительное предписание (*ти фэн* 題封), где объясняется, медленное оно

⁴ Подробнее об этих учреждениях см. (Рыбаков 2009: 264, 269). Там же в данном «Новой историей Тан» варианте описан процесс надзора за приготовлением и поднесением лекарства.

⁵ Возможно, описывался состав лекарства. Де Ротур переводит термин *фан* как “composition”, но сам оговаривает, что термин неясен (Rotours 1947–1948: 228). Впрочем, в понятие способа использования лекарства описание состава и предписания по приему вполне укладываются.

или быстрое (*чиши* 遲駛), холодное или горячее (*лэнжэ* 冷熱) и [другие вещи] такого рода (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32).

Несколько разъясняет эту фразу сделанное в Кодексе в статье о *ши* э иное пояснение, уточняющее понятие «ошибки в предписании».

[Например], пилюля была обозначена как порошок (*и вань вэй сань* 以丸為散), или то, чему полагается быть холодным, названо горячим (*ин лэн янь жэ* 應冷言熱), или [другие ошибки] такого рода (Тан люй. Ст. 6; Уголовные установления Тан 1999: 90).

Скорее всего, понимать это следует так, что в сопроводительном предписании помимо сведений о составе лекарства содержались указания относительно способов приема: в виде пилюли должно употребляться лекарство, или в виде порошка, горячим или холодным следовало его принимать, проглатывать жидкую микстуру быстро либо отдельными глотками с расстановкой, и так далее. Возможно, что предписание вдобавок еще и фиксировало, в каком виде лекарство существует непосредственно после изготовления, чтобы не возникло сомнений в момент приема. Например, в сопроводительном письме значилось, что снадобье представляет собой пилюлю, а на проверку оно оказалось порошком; тогда сразу становилось ясно, что возникла какая-то путаница и принимать лекарство нельзя.

В самом общем виде наказуемое деяние, кару за которое предусматривает статья, характеризуется так:

При составлении державного лекарства необходимо прежде всего избрать способ и [затем] составить [лекарство] согласно способу. Нельзя отклоняться и ошибаться (*будэ чау* 不得差誤). Если из-за отклонения или ошибки [лекарство было составлено] несоответственно правильному способу — имеются в виду [ситуации] такого рода, как [ошибка в] дозировках составляющих (*фэньлян до-шао* 分兩多少) (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32).

Уважаемая Н.П. Свистунова раскритиковала мой перевод, и ее критика во многом справедлива (ЗВДМ 2012: 208–209).

Фрагмент китайской фразы, по поводу которого мы разошлись, выглядит так: *хэхэ юйяо сюй сянь чу фан и фан хэхэ...* 合和御藥須先處方依方合和... У меня она переведена, как видно из приведенной цитаты, следующим образом: «При составлении державного лекарства необходимо прежде всего избрать способ и [затем] составить [лекарство] согласно способу». У Н.П. Свистуновой: «Составлять/приготавливать императорское лекарство необходимо прежде всего в соответствии с рецептом/предписанием врача» (Там же). Кстати, у У. Джонсона: “In preparing medicine for the emperor, it is necessary first of all to follow the prescription...” («Приготавливая лекарство для императора, необходимо прежде всего следовать предписанию...») (The T’ang Code 1997: 71). Видно, что перевод Свистуновой близок переводу Джонсона, а на момент моей работы над данным разделом Кодекса последний был уже доступен, так что сходная с версией Свистуновой интерпретация китайской фразы была мне, в общем, знакома.

Расхождения вызваны, во-первых, моим упорным и, возможно, порой чрезмерным нежеланием пользоваться в переводе иностранными словами (даже такими, как «рецепт»), поскольку оно вдобавок вносит в перевод изрядный элемент модернизации;

современный человек при слове «рецепт» представляет себе просто бумажку с названием, а не инструкцию по смешиванию ингредиентов).

Во-вторых, могу сказать следующее.

Иероглиф *чу* 處 имеет значения «устраивать, приговаривать [к наказанию], справляться, распоряжаться, решать» (БКРС 1983–1984: IV, 28). Иероглиф *фан* 方 значит «способ, средство, метод, путь, правило, образец, пример, рецепт, врачевание, врачебное искусство» (Там же: III, 414). Вместе они в современном языке действительно означают «рецепт» (Там же: IV, 29). В выражении *суй сянь чу фан* и *фан хэхэ* видно, что в первом случае иероглиф *фан* употреблен в сочетании с иероглифом *чу*, и буквально сразу затем он же употреблен изолированно. И перевод У. Джонсона, и перевод Н.П. Свистуновой игнорируют этот повтор.

Напрашивается мысль: в первой части фразы говорится о том, что надо совершить некое действие *чу* в отношении некоего объекта *фан*, а уж потом осуществить действие *хэхэ* в соответствии с этим *фан*. Мне представляется, что рецепт, по которому следовало изготавливать лекарство, не мог же взяться ниоткуда. Врачи обязаны были в первую очередь определить болезнь, затем подобрать предусмотренную для данной болезни методику лечения, а уже как элемент такой методики — соответствующее лекарство, и при этом строго придерживаться исходных (*бэнь* 本) наставлений, содержащихся в медицинских трактатах. Их неуместная инициативность могла дорого стоить августейшим персонам. Даже современные биологи пробуют новые снадобья сначала на мышах, а уж потом на людях; если бы танский лекарь решил опробовать несанкционированное медицинской литературой снадобье сразу на императоре, это вряд ли показалось бы правоохранительным органам той эпохи чем-то нормальным. Было бы, по-моему, странным, если бы танские юристы оставили первичные действия врачей целиком на их совести, верили бы их исключительно личному опыту медиков, их личным пристрастиям и полету их фантазии, а врачебные ошибки не были наказуемы. В своей версии перевода я постарался учесть оба этапа назначения лечения: определение способа оказания медицинской помощи, основной составляющей которого являлось избрание предписанного медицинской литературой лечебного состава, и уж тогда — изготовление этого состава. *Чу фан* — это, на мой взгляд, определение (избрание) способа лечения, заключавшееся, в частности, в избрании лекарства определенного состава. Затем следовало осуществить *хэхэ*, т.е. изготовить лекарство, лечением предусмотренное.

Кроме того, назначать лекарство и изготавливать его могли, не исключено, разные должностные лица. Повторю: в штате Высшей службы врачевания наряду с медиками и в помощь им имелись и фармацевты. В «Тан лю дянь» относительно их функций и функций их помощников сказано: *гуа сяо дао шай* 刮削捣筛, т.е. «очищают, скоблят, измельчают и просеивают» (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шанъяоцзюй). Стало быть, их функции заключались в предварительной подготовке ингредиентов для будущего лекарства. Но вот составители губных мазей, например, как явствует из самого названия этой должности, лишь выполняли инструкции врачей, смешивая надлежащий состав сами. Нельзя исключить ситуации, когда врач, сверяясь с классическими лечебниками, писал инструкцию лекарственнику, а тот, сверяясь уже с этой прописью, изготавливал требуемый медикамент.

Действовать по инструкции, каждый по своей и на своем уровне, обязаны были и тот, кто избирал лекарство определенного состава и способа изготовления, и тот, кто его составлял/изготавливал. Если это был один и тот же человек, он отвечал за

соответствие своих действий предписаниям на любом из этапов; теоретически он ведь мог ошибиться, не только уже взясь с ингредиентами, но еще и на стадии подбора этих ингредиентов по медицинской литературе. Если это были разные люди, любой из них, кто отступил от первоисточника, подлежал означенному в данной статье наказанию.

Возможно, слово «способ» и впрямь звучит здесь не слишком-то органично (куда современнее звучало бы «лечебная методика»), и Н.П. Свистунова совершенно справедливо обратила на это внимание, но мне не удалось найти более общего обозначения для единого процесса действий, включающего как этап избрания метода лечения и назначения лекарства, так и этап изготовления предписанного лекарства.

В целом же:

Всякий раз, когда составление державного лекарства ошибочно совершено несоответственно правильному способу (*бэньфан* 本方) или допущена ошибка в сопроводительном предписании, врач (*и* 醫) наказывается удушением (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 32)⁶.

Изготовлению лекарства, которое в Кодексе упорно называют *хэхэ* 合和, т.е. «гармоничное смешивание», «составление в надлежащих пропорциях», неизбежно предшествовал процесс приготовления ингредиентов, которые затем уже непосредственно медицинскими работниками использовались для изготовления того самого целебного состава, что надлежало употреблять внутрь. А этому процессу, в свою очередь, предшествовал элементарный отбор исходных материалов. Понятно, что халатность при осуществлении предварительных операций также была недопустима и не могла остаться вне поля зрения уголовного права. Однако результат этих операций не имел шансов достигнуть особы императора напрямую, и потому требования к квалификации и аккуратности тех, кто был задействован, не были столь беспощадны, как требования к медикам.

Кодекс разъясняет:

Приготовление — имеется в виду, что полагается вываривать, соскабливать, промывать или вымачивать. Отбор — имеется в виду, что удаляют негодное и оставляют хорошее. Все [действия] такого рода необходимо делать тщательно и аккуратно (Тан люй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 33).

Допущенную в ходе приготовления или отбора небрежность, заключающуюся в некоем *бу цзин* 不精 — т.е. в том, что среди продуктов, готовых для процедуры изготовления собственно лекарства, оказалось нечто либо нечистое, некачественное, либо несовершенное, не максимально экстрагированное, надлежало наказывать 1 годом каторги.

Как Великая непочтительность такая небрежность не рассматривалась.

Если нарушение в изготовлении лекарства (а возможно, и в определении, какое именно, из чего именно состоящее лекарство следует назначить при данном недомогании) выявилось еще до того, как лекарство было подано державной особе, наказание уменьшалось на 1 степень. Значит, за ошибку при изготовлении лекарства или в сопроводительном предписании вместо удушения полагалась ссылка на 3000 *ли*.

⁶ В тексте статьи термин «врач» пояснен так: «...Тот, кто составлял данное лекарство (*дан хэхэ яо* 當合和藥)».

За небрежность при изготовлении или отборе ингредиентов — не 1 год каторги, но 100 ударов тяжелыми палками.

Это очень любопытно. Ведь конечный результат и того и другого выявления не-правильности был один и тот же — опасное снадобье в организм державной особы не попало. Однако общий принцип районирования пространства в зависимости от близости к царственным особам соблюдался неукоснительно; степень правозащищенности вмещающей императора области Вселенной всегда, по любым параметрам должна была оставаться более высокой, нежели степень правозащищенности области, в данный момент этого счастья лишенной. Да и чисто прагматически потенциальная опасность невыявления на предварительной стадии, когда лекарство еще не оказалось в непосредственной близости от августейшей особы, и невыявления на стадии конечной, когда до особы этой было рукой подать, мыслились различными. Ведь до попадания к императору на пути снадобья еще были многие фильтры, многие уровни контроля, а вот после — уже немногие.

Наказанию подлежали не только непосредственные исполнители тех или иных операций, но и контролирующее эти операции начальство — *цзаньдан гуаньсы* 監當官司, т.е. надзирающие ответственные чиновники. Например, вся цепочка начальников, перечисленных выше при описании процесса приготовления и снятия пробы с лекарства, подаваемого в державное употребление, состояла из них; чтобы ни у кого не оставалось сомнений, Кодекс заботливо подчеркивает:

За исключением лекаря (*и* 醫), все [они] являются надзирающими ответственными чиновниками (Тан луй. Ст. 102; Уголовные установления Тан 2001: 34).

Смотря по ситуации, всем им также полагалось наказание при любой из перечисленных ошибок и небрежностей, но — уменьшенное еще на 1 степень. Стало быть, если лекарь совершил ошибку при изготовлении лекарства или при написании сопроводительного предписания и лекарство уже было подано императору (ничего не говорится относительно того, принял император его или еще не принял; важно, что ущербное снадобье замаячило в непосредственной близости от его персоны), означенные начальники поголовно подлежали наказанию ссылкой на 3000 *ли*, а если ошибка выявилась до подачи лекарства императору — 3 годами каторги (поскольку облегчение наказания до ссылки на 3000 *ли* полагалось медику)⁷. Чиновники, ответственные за контроль над процессами отбора и приготовления ингредиентов, если эти ингредиенты уже были использованы для изготовления лекарства и оно достигло императорской особы, получали 100 ударов тяжелыми палками, а если небрежность была выявлена раньше, то 100 ударов полагались тому, кто совершил данную небрежность, а надзирающим чиновникам — всего лишь 90 ударов.

При определении наказаний за преступления, связанные с изготовлением пищи и судов для императора, а также с вещами, относящимися к императорскому платью

⁷ Уменьшение смертной казни на 1 степень давало ссылку на 3000 *ли*. Уменьшение ссылки на 3000 *ли* на одну степень давало 3 года каторги. «Предположим, есть [некто], совершивший преступление, за которое должен быть наказан обезглавливанием. Сообщникам наказание уменьшается на 1 степень. Тогда оно доводится до ссылки на 3000 *ли*. Или же есть [некто], совершивший преступление, наказуемое ссылкой на 3000 *ли*, причем должно [действовать] по норме уменьшения наказания на 1 степень. Тогда приговор — 3 года каторги. Поэтому сказано: наказание смертью, [подразделенное] на 2 [разновидности], и наказание ссылкой, [подразделенное] на 3 [разновидности], при уменьшении сводятся в 1 степень каждое» (Тан луй. Ст. 56; Уголовные установления Тан 1999: 284–285).

и выезде, следовало придерживаться тех же правил. На 1 степень любое наказание уменьшалось, если вещь еще не была подана в державное употребление, и на 1 степень относительно исходного, полагающегося самому преступнику наказания уменьшалось наказание контролерам.

Питание

Болезнь императора и возникновение необходимости давать ему лекарство — это была все же ситуация экстраординарная. Ординарным же являлось то, что императора каждый день требовалось кормить и поить, а это тоже, понятное дело, таило в себе определенный риск даже при полной преданности обслуживающего персонала и полном отсутствии каких-либо злых помыслов.

Ответственным делом питания державных особ ведала Высшая служба кормления (*шаншицзюй* 尚食局) (подробнее см.: Рыбаков 2009: 266). В ее компетенции находилась, в частности, и императорская кухня — режимный объект повышенной значимости. В разделе Кодекса, посвященном дворцовой охране, говорится:

Державная кухня (*юйшань со* 御膳所) — имеется в виду место, где готовится пища, подносимая в державное [употребление]. Ее ворота также запретны. Если тот, кому не полагалось [в них] входить, вошел, он наказывается ссылкой на 3000 *ли* (Тан люй. Ст. 59; Уголовные установления Тан 1999: 298).

Непосредственно приготовлением пищи занимались *чжуши* 主食 и *чжушани* 主膳. *Чжуши* начальствовали над *чжушанями* — это видно хотя бы из соотношения их численности (16 против 700 согласно «Тан лю дянь», 16 против 840 согласно «Синь Тан шу»). Кроме того, в «Тан лю дянь» прямо говорится:

Чжуши руководят *чжушанями*, с тем чтобы те исполняли свои служебные обязанности (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шаншицзюй).

Ши 食 значит «пища» и «питать, кормить» (БКРС 1983–1984: III, 914), *шань* 膳 значит «пища» и «стол, прием пищи» (Там же: II, 465). Поэтому *чжуши* у меня стали кормителями, *чжушани* — кушанниками⁸. Вторые занимались, по всей видимости, исключительно приготовлением пищи и работали, как указывается там же, в «Тан лю дянь», посменно, по 30 человек в смену. Первые, будучи, вероятно, кем-то вроде шеф-поваров, отвечали за конечный продукт и волей-неволей оказывались посредниками между кухней и императорским столом, т.е. кормили августейших особ.

Относительно приготовления пищи существовало не меньше правил и канонических требований, чем и в отношении лекарств. Часть из них мельком упомянута в Кодексе, чтобы вершителям правосудия было хоть сколько-то понятно, о чем идет речь:

Державная пища всегда готовится согласно кулинарным канонам. В канонах есть запреты... К сушеному мясу нельзя подавать просо и рис, а зелень нельзя мешать с мясом черепахи (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 35)⁹.

⁸ Эти термины я предложил в первом томе «Танской бюрократии» (Рыбаков 2009: 267). В переводе «Тан люй шу и», осуществлявшемся на много лет раньше, были предложены иные наименования, которые с течением времени стали казаться мне излишне претенциозными и притом менее точными.

⁹ Н.П. Свистунова с присущей ей дотошностью уточняет, что за конкретное просо и конкретная зелень могли тут на самом деле иметься в виду (ЗВДМ 2012: 209).

В «Тан лю дянь» сообщается:

Руководя приготовлением обычной пищи для Сына Неба, надлежит следовать запретам четырех сезонов и соблюдать соответствия пяти вкусов... Пять вкусов — это кислый, соленый, сладкий, горький и острый. Когда надо подавать еду, непременно сначала пробуют (Тан лю дянь. Цз. 11, разд. Шаншицзюй).

Любые нарушения всех этих многочисленных и сложных установок, безусловно, требовали адекватных мер со стороны уголовного закона. Естественно, чем более запрет был обусловлен объективно, сформирован под влиянием реального негативного опыта, тем большую опасность его несоблюдение представляло для здоровья. Чем больший вред нарушение запрета могло нанести — тем более суровое наказание следовало за такое нарушение предусмотреть.

Кулинарные запреты, стоящие в перечне преступлений этой группы на первом месте, возникли, конечно, не случайно и не были просто выдуманы. Сочетание несочетаемых ингредиентов или подача к столу чего-то не по сезону (некоторые виды животной и растительной пищи в определенное время года и впрямь не годятся в пищу) могли привести к вредоносному воздействию на здоровье владыки и императриц.

Всякий раз, когда при изготовлении державной пищи ошибочно был нарушен кулинарный запрет, кормитель (*чжуши* 主食) наказывался удушением. Если в пищу или питье [попали] сор или грязь — 2 годами каторги. Если была допущена небрежность в отборе, либо если [что-то] было подано в державное [употребление] несообразно времени, наказание уменьшается на 2 степени. Если не снята была проба — 100 ударов тяжелыми палками (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 34).

Значит, кушанники в круг подлежащих наказанию не включались. Ответственным был именно кормитель, под руководством которого оказалась состряпана некачественная еда.

Понятия небрежности в отборе и подаче еды несообразно времени Кодекс разъясняет:

...Если была допущена небрежность в отборе — имеется в виду, что рис, или овощи, [или другие предметы] такого рода были отобраны не наилучшие... Либо если [что-то] было подано в державное [употребление] несообразно времени... рисовые кушанья сообразно весне должны быть теплыми, а супы сообразно лету должны быть горячими... Или на протяжении дня, утром ли, вечером ли [пища] была поднесена с нарушением распорядка (*ши ду* 失度), или же она была несообразно времени холодной или горячей (Тан люй. Ст. 103; Уголовные установления Тан 2001: 35).

Относительно же снятия проб говорится:

Имеется в виду, что вкус кислоты, солёности, горькости или терпкости не нормален (*вэй бу пинь* 味不品), а полагалось попробовать, но не попробовали (Там же).

Следовательно, здесь речь идет не о подозрении на халатность, чреватую возможностью отравления, но лишь о вкусовых качествах, и не более. Поэтому и наказание было столь легким.

С учетом того, что схема расчета наказаний для надзирающих чиновников, сформулированная применительно к изготовлению лекарств, распространялась на все преступления аналогичных групп — наказанию подлежали еще и те, кто был выше кормителей и по долгу службы присматривал за ними. Кара полагалась на 1 степень меньшая, чем за само совершение ошибки или небрежности. Если добросовестно применить данное предписание, получится, что надзирающим чиновникам полагалась ссылка на 3000 *ли* за необнаружение нарушения кулинарного запрета, 1,5 года каторги за необнаружение грязи, 100 ударов тяжелыми палками за необнаружение небрежности в отборе или подаче блюд несоответственно времени и 90 ударов тяжелыми палками, если не была снята проба.

Ну, и следует вспомнить, что, если нарушение выявилось до того, как пища была подана в державное употребление, наказания за любое из обозначенных деяний уменьшались на 1 степень, а раз так, то в свою очередь уменьшались на 1 степень и наказания, полагающиеся надзирателям. Скажем, за нарушение кулинарного запрета, если пища еще не была подана императору, кормителю полагалось не удушение, а ссылка на 3000 *ли*. Значит, надзирающему чиновнику — не ссылка на 3000 *ли*, а 3 года каторги и т.д.

Нарушение кулинарных запретов также включалось в группу преступлений, относящихся к Великой непочтительности.

Для служащих, кому по роду их службы были доступны связанные с приготовлением державной пищи режимные объекты, был сформулирован еще один специфический закон. Его текст специально называет среди таких служащих кормителей (*чжуши* 主食), а помимо них — всех надзирающих чиновников, в чьем ведении находилась цепочка передачи императорских яств от места их приготовления до места их потребления. Именно из статьи, в которой вводится данный закон, мы узнаём интересную деталь относительно служебных обязанностей кормителей. В статье процитирован короткий фрагмент из общеобязательного установления (*лин* 令), которое, как это нередко бывает, нигде, кроме как в тексте Кодекса, не сохранилось. Именно из данной статьи «Тан люй шу и» оно было взято Ниидой Нобору в его сборник сохранившихся общеобязательных установлений (Ниидо Нобору 1964: 138). В Кодексе говорится:

При изготовленных на державной кухне кушаньях от [момента] приготовления и до [момента] подачи везде находятся надзирающие ответственные чиновники (*цзяньдан гуаньсы* 監當官司). Согласно общеобязательным установлениям, кормитель (*чжуши* 主食) поднимается по ступеням и подает пищу (*шэн цзе цзинь ши* 升階進食) (Тан люй. Ст. 107; Уголовные установления Тан 2001: 39–40).

То есть кормители не только руководили действиями непосредственных поваров, но и служили передаточным звеном между кухней и местом, где осуществлялся процесс державного питания. И, разумеется, весь путь державной пищи от кухонного стола до стола трапезного находился под бдительным оком соответствующих надзирателей.

Кодекс гласит:

Всякий надзирающий ответственный чиновник или кормитель, по ошибке принесший к месту расположения державных кушаний (*юйшань со* 御膳所) сложносоставное снадобье (*цзаяо* 雜藥), наказывается удушением... Достаточ-

но того только, чтобы по ошибке принес к месту расположения державных кушаний составное (*хэхэ* 合和) снадобье, — и наказывается удушением (Там же).

В первую очередь имелась в виду, конечно, кухня. Термин *юйшань со* и употреблялся как эвфемизм для обозначения кухни. Но, думается, тот же режим действовал и во время перемещения блюд из кухни к месту трапезы. Ведь, строго говоря, термин *юйшань со*, означающий «место, где пребывает державная пища», во время приготовления пищи однозначно подразумевает кухню, но в момент подачи приготовленных блюд может относиться к любой дворцовой зале, галерее или лестнице. На всем пути от кухни к месту, где пребывают державные особы, действовал запрет: там, где в данный момент находится или перемещается державная пища, не должно быть никаких неучтенных медицинских препаратов.

Понятие «сложносоставного снадобья» довольно расплывчато. В Кодексе поясняется:

Сложносоставное снадобье — имеются в виду составленные [из различных веществ] снадобья, способные [оказать воздействие, если их] проглотить (*хэхэ вэй яо кань фуэр чжэ* 合和為藥勘服餌者). Если же оно имеет ядовитые свойства, то, хотя бы и не было сложносоставным, также рассматривается как сложносоставное снадобье (Тан люй. Ст. 107; Уголовные установления Тан 2001: 40).

Сама по себе фраза *хэхэ вэй яо кань фуэр чжэ* тоже не слишком понятна; в буквальной передаче она означает всего лишь нечто вроде «смешивания, давшего снадобье, пригодное для проглатывания». В то же время *фуэр* может обозначать не просто акт проглатывания, но ни много ни мало — эликсир бессмертия (БКРС 1983–1984: III, 979). Китайский же толковый словарь интерпретирует этот термин как «принимать с пищей чудодейственное лекарство, употреблять лечебную пищу» (*фуши дань-яо фуюн яозр* 服食丹藥服用藥餌) (Чжунвэнь да цыдянь 1976: IV, 1529). Согласно тому же словарю, *дань-яо* может значить и эликсир бессмертия, и просто некое чудодейственное средство, а *яозр* — добавок еще и пищу с целебными свойствами, лекарственные добавки к пище. Попытавшись абстрагироваться от всех этих медицинских сложностей, в результате мы получим приблизительно то же самое, что несколько ранее определялось как лекарство, которое со всеми предосторожностями надо было давать императору в случае его недуга, — то, что надо вываривать, выпаривать, скоблить и гармонично смешивать в надлежащих пропорциях.

Если же вредное действие принесенного вещества не вызывало сомнений, то и самый простой препарат мог быть квалифицирован как запретное сложное снадобье.

Ошибочность действий в данном случае Кодекс вновь подчеркивает неоднократно. Наличие злого умысла сразу переводило данное преступление в разряд антигосударственных.

В «Тан хуй яо» обнаруживается любопытный нюанс, придающий сухой норме права живой объем. Упоминается некий начальник Надзора Дворцового обеспечения — т.е. чиновник, достаточно высокопоставленный и влиятельный, принадлежащий, по сути дела, к высшей имперской бюрократии; должности управителя Надзора (*даньчжунцзянь* 殿中監) соответствовал 3-й ранг. И вот он явился на кухню службы кормления (*шаншичу* 尚食廚), имея при себе некое *сыяо* 私藥. К сожалению, и этот термин можно понять двояко: то ли это незаконно пронесенное с собой снадобье, то ли это просто было его личное лекарство, которое, скажем, чиновнику его врач про-

писал время от времени принимать в течение рабочего дня. Во всяком случае, халатного руководителя, видимо, поймали с поличным, и ответственные власти приговорили его к смерти — что и должны были сделать, следуя букве закона. Однако император помиловал растяпу, и единственным оправданием такого милосердия явилось признание того факта, что снадобье было принесено по ошибке, непреднамеренно (Тан хуй яо 1936–1939: 717).

Основные ограничения такого рода — разумеется, в ослабленном варианте, — действовали и в отношении приготовления пищи для чиновников. Слугам народа нередко требовалось питаться в официальной обстановке во время долгих церемоний жертвоприношений, дворцовых приемов, эскортирования императора и прочих сугубо важных для высшего имперского чиновничества государственных дел. За питание чиновников отвечал Отдел великих официальных церемоний (*тайгуаньшу* 太官署) — главное подразделение Пиршественного приказа (*гуанлуся* 光祿寺)¹⁰. Чтобы разом терминологически отделить питание чиновников от питания державных особ, второе называли внутренним питанием, внутренними кушаньями (*нэйшань* 內膳), тогда как чиновничий сектор — кушаньями внешними, питанием внешним (*вайшань* 外膳).

Разница между режимом внутренних и внешних кушаний была колоссальной. Даже если не принимать пока во внимание строгость наказаний как таковую, для внешних кушаний как само собой разумеющийся вариант совершения преступных действий предусматривались действия предумышленные. Это становится ясным из того, что завершающая часть соответствующей статьи Кодекса отмечает необходимость уменьшения наказаний за все упомянутые преступления в тех случаях, если они были совершены по ошибке. Применительно ко внутренним кушаньям вариант умышленного нарушения даже не упоминался — ясно, что он явился бы государственной изменой.

И даже умышленно совершенные неверные манипуляции с пищей для слуг народа подлежали на редкость мягким наказаниям.

Всякий раз, когда при изготовлении внешних кушаний был нарушен кулинарный запрет, податель кушаний (*гунишань* 供膳) наказывался 70 ударами тяжелыми палками. Если в пищу или питье [попали] сор или грязь, либо если отбор был не тщательным, наказание — 50 ударами легкими палками. Если [это произошло] по ошибке, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на 2 степени (Тан люй. Ст. 108; Уголовные установления Тан 2001: 40).

Следовательно, странноватый поступок повара, заключавшийся, например, в преднамеренном засорении еды, предназначенной для участвующих в торжественном дворцовом мероприятии сановников, карался 50 ударами легкими палками. А если сор попал туда по недосмотру, виновному полагалось и вовсе лишь 30 ударов легкими палками. Правда, поскольку должность подателя кушаний не была ранговой, палки нерадивому, а то и злокозненному повару, скорее всего, предстояло ощутить реально.

В статье не упоминаются надзирающие чиновники, но дело, конечно, не обходилось без них. Просто согласно той статье Кодекса, где впервые, применительно к лечению державных особ, растолковывались все уровни служебного соучастия, уже было сказано, что все надзиратели, замешанные в сходных преступлениях, получают наказания, уменьшенные на 1 степень относительно наказания, полагающегося са-

¹⁰ Подробнее об этом учреждении и его штате см. (Рыбаков 2009: 306–309).

мому преступнику. Следовательно, в случае преднамеренного нарушения подателем кушаний кулинарных запретов надзирателям, не обнаружившим нарушения, полагалось 60 ударов тяжелыми палками, а за необнаружение подбрасывания в пищу чиновников сора — 40 ударов легкими палками.

Если данные преступления были совершены кем-либо из *гунишаней* по ошибке, наказания соответственно уменьшались в целом на 2 степени — до 50 и 30 ударов.

Надзирающие чиновники, не обнаружившие поварских небрежностей, получали тогда наказания, тоже уменьшенные на 1 степень по сравнению с самими *гунишанями*, т.е. соответственно 40 либо 20 ударов легкими палками.

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1984.
- ЗВДМ 2012 — Законы Великой династии Мин / Пер. с кит., введ., примеч. и приложения Н.П. Свистуновой. Ч. III. М.: Восточная литература, 2012.
- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Генезис и структура. Ч. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
- Уголовные установления Тан 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Уголовные установления Тан 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Уголовные установления Тан 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Ниидэ Нобору 1964 — *Ниидэ Нобору* 仁井田陞. То рё сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Тан лю дьянь — Тан лю дьянь 唐六典 (Шесть уложений Тан). [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%94%90%E5%85%AD%E5%85%B8>.
- Тан люй — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 775–780).
- Тан хуй яо 1936–1939 — Тан хуй яо 唐會要 (Важнейшие материалы Тан). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 813–828).
- Чжунвэнь да цыдянь 1976 — Чжунвэнь да цыдянь 中文大词典 (Большой словарь китайского языка). Т. 1–10. Тайбэй, 1976.
- Rotours 1947–1948 — *Rotours R., des.* Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée. Leyde, 1947–1948. Vol. 1–2.
- The T'ang Code 1997 — The T'ang Code / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. Vol. II: Specific Articles. Princeton, 1997.

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Comprehensive Chinese-Russian Dictionary]. Pod red. prof. I.M. Oshanina, vol. 1–4. Moscow: Nauka, 1983–1984 (in Russian and Chinese).
- Zakony Velikoi dinastii Min* [The Laws of the Great Ming Dynasty]. Perevod s kitajskogo, vvedenie, primechaniia i prilozheniia N.P. Svistunovoi. Chast' III. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012 (in Russian).
- Rotours R., des. *Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée*. Leyde, 1947–1948. Vol. 1–2 (in French).

- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Genезis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Genesis and Structure]. Part 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 1–8. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 9–16. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i)* [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 17–25. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005 (in Russian).
- Chongwen da cidian* 中文大词典 [Chinese Dictionary], vol. 1–10. Taipei, 1976 (in Chinese).
- Niida Noboru 仁井田陞. *To re siu i* 唐令拾遺 [A Collection of the T'ang Dynasty Regulations]. Tokio, 1964 (in Japanese and Chinese).
- Sin' Tan shu* 新唐書 [New History of the T'ang Dynasty], t. 1–20. Pekin, 1975 (in Chinese).
- Tang hui yao* 唐會要 [The T'ang Dynasty Regulations]. *C'ongshu jicheng* 叢書集成, t. 813–828. Shanghai, 1936–1939 (in Chinese).
- Tan liu dian'* 唐六典 [Six Codes of the T'ang Dynasty]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm (in Chinese).
- Tan liui shu i* 唐律疏議 [T'ang Dynasty Criminal Code with Explanations]. *C'ongshu jicheng* 叢書集成, t. 775–780. Shanghai, 1936–1939 (in Chinese).
- The T'ang Code*. Transl. with an introd. by Wallace Johnson, vol. II: Specific Articles. Princeton, 1997 (in English).

The Legal Regulation of Serving the Royal Family in the T'ang China. Part 1: Medical Treatment, Food

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 54–68)
Received 26.04.2017.

Viacheslav M. Rybakov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The security and comfort of the first persons of the state are one of the main elements of the legal system in all countries and in all times. It is clear that for the proper realization of their duties these persons should be relieved of fears for their life and health, and of household chores. However, the notions of safety and comfort are to a high degree defined by the technological level of the era and cultural traditions of the country. A very interesting example of the general trend in specific conditions is the statutory framework for the care of the Emperor and his family, developed in traditional China. This essay analyzes the list of foreseeable unintentional missteps, which could cause this harm, along with a list of punitive measures designed to reduce the possibility of such missteps, and also which household encroachment on the property of the royal family the Tang China legislators considered possible and how they suggested to deal with them.

Key words: traditional China, the state and law, bureaucracy, administrative law, the safety of the first persons of the state, the T'ang dynasty.

About the author:

Viacheslav M. Rybakov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ouyangtsev@mail.ru).